

НА СУРОВЫХ ПЕРЕКАТАХ ВРЕМЕНИ...

ОДА ХУДОЖНИКУ ЖИВОТОВУ

Впервые я почувствовал Геннадия Животова как художника, когда побывал на выставке его афганских работ. Тогда возник импульс от сердца к сердцу. На выставке были представлены его вещи, посвящённые афганской войне. Это было в пору, когда война ещё не закончилась. То было время поучительное и горькое. Время, когда художники-баталисты, коих собрала Студия Грекова, боялись или брезговали, не желая ехать на это войну. Они предпочитали отправляться в Италию, рисовать римские дворики или венецианские гондолы... Животов, вопреки тотальному бойкоту афганской войны, выставил десяток грозных, батальных военных картин. Он продемонстрировал единство искусства с амией, с народом и русской историей. Единство с реальностью, от которой бежала вся прочая культура. Он, один из немногих творцов, встал в этот окисленный, закогчённый желоб, по которому летела, катилась грязная история XX века.

Гений Животова расцвёл, раскрылся после 1991 года. Тогда в одночасье рухнула страна, побежали в панике офицеры, генералы, разведчики и красные директора. Дизайны и огромные политические и экономические институты распались. Рухнуло государство, уступив место загадочной и странной политической плёнке, слизи, которой суждено было царствовать некоторое время в России... И против этой беспочвенной и липкой плёнки никто не поднялся. Армии, заводы и партия молчали. Страна, в которой жили грандиозные научные, военные и гуманитарные школы, где существовал арсенал представлений о мире, о будущем, — эта страна замолкла. Было лишь два восстания. Восстали тексты и образы.

Были "День" и "Завтра", куда пришёл Животов со своим первом, куда принёс свою графику и свою революцию. Интеллектуальную, творческую революцию.

Десяток лет, каждую неделю, в газете "Завтра" появляется очередной животовский рисунок. Так, по-видимому, селекционер от урожая к урожаю, от одной генерации потомства к другой, от поколения к поколению выводит новый вид, создавая небывалое растение или фантастическую птицу. Так Животов за счёт своей энергии, непрерывной работы, от номера к номеру сформировал новое уникальное искусство.

Создал уникальную эстетику — то, чего ещё не бывало в России. Он породил жанр и род творчества. Такого не было и, может статься, никогда больше не будет. Животовский опыт уникален и самобытен. Его графика есть открытие.

Так что это за жанр, что это за метод? Прежде всего это метод непрерывного фиксирования истории. По кадрам создаётся, течёт лента событий. Животов не пропускает ни одной недели. Мы имеем мощную хронику прошедших грозных исторических лет. И в недрах животовской графики не пропущено ни одно значимое событие современной истории — как русской, так и мировой. Обе чеченские войны, югославский и иракский кризисы, удары "боингов" по Манхэттену, политические убийства, восхождение и падение министров и кабинетов, трагедия народа и народный зов к забастовке, баррикады и оборона Дома Советов — всё здесь... Здесь огромная галерея страшных монстров — новых завоевателей России. Здесь трагические образы русских героев. Здесь мистерия исторического процесса. Художник ставит свой мольберт, запускает свой духовный двигатель в грозных мятущихся селевых потоках времени. Животов сделал то, чего не сделал практически никто из современных художников. Жанр его графики можно истолковать как плакат, как листовку, как лубок, как памфлет, как политический манифест, лозунг или икону. В зависимости от того, любит он или ненавидит, молится или прогниает, вдохновляет или убивает. Животов способен ударить в лоб врагу. Может и закрыть глаза павшему герою.

В этом — его творческая судьба, идеология, ночной вопль, страх за любимых и близких, обращение к товарищам, хоровая песнь, в которой он сливаются с гулом народных масс, с топотом манифестаций и шествий. Это партийный билет, духовная проповедь, с которой он каждую неделю обращается к народу. Животов пишет свои вещи кровью и слезами.

Его стиль, его образность подёрнуты вибрацией лёгкого безумия, что свойственно эстетике нашего времени. Его приём — гипербола и метафора. Его разнужданность и истеричность отсылают нас к Босху и Гойе. Ужасное бытие современной России заставляет Животова живописать ад и муче-

ния, выписывать тени и образы грешников. Но иногда в этот ад врывается ангел, и в чаду времени вспыхивает святое сияние. Так, во время гибели "Курска" Животов написал утонувший крейсер, плывущий в лазурево-жемчужных райских облаках.

Животов работает с опасными, неосвещенными энергиями бытия. В этом взбаламученном, незафиксированном, гремучем растворе черпает свои силы, дает неназванному и неопределённому им и очерчанию. А чем ещё должен заниматься художник?

Животов интересен в своём диком одиночестве. Ведь необъяснимым остается следующее: мощнейший институт изобразительного искусства, со множеством прекрасных художников, замечательных имён и набором великих школ, осыпался вместе с государством. Где советские художники? Или они погибли, как динозавры, на которых упал метеорит? Или им зашили глаза и отрубили руки? Или на их головы свалились тонны мёртвой породы?

Сегодня за них за всех говорит один Животов. Остальные художники в лучшем случае продолжают писать золотые букеты, пасторальные пейзажи, любимые храмы и родные дачные уголки. Будто не упал на Россию страшный, склоняющий всё астероид. Будто не горят танки, не пылают парламенты, не рыдают дети, не вымерзают соотечественники. В картинах всё та же чудесная благость, удивительные переплытия небес, всё те же Левитан, Куинджи... Животов взял на себя бремя работать за всех. И он справляется с этой сложнейшей задачей. Его работы напоминают мерцающие пластины доспеха, который он стоически кует на протяжении всей своей жизни. Его творчество — воронёная сталь.

Когда-нибудь, через много лет, когда нас всех уже не станет, археологи будут исследовать, чем же было наше с вами время. Они пробуют в почве шурфы, и сквозь цветную, пористую пемзу, в которую превратятся пенистые ядовитые шампуни эстрадного искусства, покажется мощный, громадный доспех, в который облекала себя сегодняшняя преступствующая, не сдавшаяся русская культура. Пусть знают: доспех этот отковал художник Геннадий Животов.

Александр ПРОХАНОВ